

Twig

Арка вторая: Кот из мешка.

Глава седьмая: тревожный Пастух.

- Добрый вечер, преподобный, - сказала Мэри.

Пастух улыбнулся, наверно впервые с тех пор, как я его увидел. Это было дезориентирующим, особенно учитывая нашу ненадёжную ситуацию. Улыбки что-то означали, а редкие улыбки были плохим знаком.

- Заходи, пожалуйста. Я рад тебя видеть, Мэри, ты появлялась в моих мыслях в последние месяцы. А это твои...?

- Друзья, - сказала она.

Хорошо, держись простого.

- А вы? - спросил мужчина, повернувшись к Лейси и Сесилу.

- Учителя, - сказала Лейси, следуя за Мэри.

- Я много разговаривал с твоим отцом, Мэри, и обучение было одной из тем.

- Он не рассказывал мне об этом.

- И не расскажет, как мне кажется, - сказал Пастух. - Не таким я его представляю. Ты провела здесь немало времени, когда была маленькой.

- Да, но мои воспоминания о том времени не так ясны.

- Нет? Я бы подумал иначе.

- Я... проваливалась в мысли, обычно. Когда я задумываюсь о том времени, то думаю об играх, в которые играла в голове. Церковь казалась меньше, чем она есть на самом деле.

- Что ж, не могу не принять это как маленькое оскорбление, - сказал Пастух. - Мы вложили много сил в её расширение. Это было то ещё испытание тогда. Человек, которого я окликнул, был склонен считать, что церковь в Радхэме гиблое дело.

Я так сильно хотел помочь ей, но не мог.

Джейми должно быть чувствовал себя ещё хуже в этом отношении. Наверно он знал, как её переделывали, а ещё точный год и сезон, когда это происходило.

Мэри выбрала тишину. Ужасную, неловкую, убийственную тишину.

- Маленькое оскорбление, - сказал Пастух, улыбнувшись ей. - Не так и сильно ты отличаешься от своего отца. Присоединишься ко мне для разговора? С твоими сопровождающими и друзьями? Сейчас всё вполне стихло, и я надеюсь, что ещё несколько человек придут или вернутся внутрь, прежде чем я оставлю господину Джилу сцену, дабы он

обратился ко всем и успокоил их страхи.

– Я, эм, – сказала Мэри.

Я сжал её руку.

– Это было бы мило? – отважилась она.

Пастух улыбнулся. – Тогда, проходите. У нас будет чай и чем закусить, твоих учителей это устроит?

– Да, – сказал Сесил немного слишком быстро. И затем, словно чтобы компенсировать, – сойдёт.

Пастух улыбнулся, словно наслаждаясь шуткой, которую услышал только он. – Тогда я покажу вам путь. Здесь грязно, более чем в одном смысле, и земные блага далеки.

Нас повели через проход, несколько открытых двойных дверей с боку церкви. Судя по коврику у двери и нескольким туфлям, Майер жил в здании, а промежуточной зоной, между участком открытым для публики и жилой зоной было нечто вроде кабинета.

Это было более приватное место для встречи с людьми, судя из того, что я увидел. Даже была дверь ведущая из маленького кабинета прямоком на улицу, чтобы люди могли приходить и встречаться с ним напрямую. Я заметил маленькие камешки у основания двери, слишком маленькие для того, чтобы служить опорой открытой двери. Не то, чтобы люди в дождливом Радхэме были склонны оставлять двери открытыми.

Место подходящее не только для бизнеса, но кажущееся слишком организованным для того, чтобы быть частью дома. Тёмно-красная военная куртка, отделанная золотым шнуром, была за стеклом, в подходящей рамке. Рамка поменьше вмещала три значка и эмблему из его старой военной кампании. Они здесь были ради остальных, а не для самого Майера, подозревал я. При том, как был выложен кабинет Майера, сам он рамок не видел. Мы уселись на стулья и скамейки с дальней стороны его стола, и отчётливо видели и то, и другое.

Были и другие памятные вещи, поставленные так, чтобы он их видел. Его фотографии с семьёй и ребёнком, когда он был примерно нашего возраста, чёрно-белые и размытые. Профессиональное широкое фото родственника в бейсбольном свитере, на середине поля. Крест, однако, занимал центральную сцену за его стулом. Потёртый, измученный и изношенный, с отсутствующими кусками краски, за которыми была видна бледная старая древесина.

Он был абсолютным контрастом этому очень собранному мужчине с бронзово-рыжими волосами, и всё равно, я полностью, на все сто процентов уверен, что крест его, а не церкви. Семейная память, наверно.

Он только закончил наполнять чайник водой из кувшина и включил слегка нагретую плиту. Полу развернувшись, он заметил, что я смотрю на крест.

– Думаю, ты не из тех, кто посещает церковь, – сказал он.

– Большинство не посещают, не так ли? – спросил я. – Особенно нашего возраста?

– Нет. Не в Радхэме, по крайней мере, до тех пор, пока не начнут происходить плохие вещи, –

сказал Майер. Он наклонился в сторону, чтобы через двери посмотреть в основное помещение церкви, где толпа всё ещё разбиралась, собиралась в группы и говорила шёпотом. – Как видим сегодня.

«Плохие вещи».

Для меня это звучало, как умеренный способ отсылаться к сбежавшим экспериментам, но настоящему ребёнку моего возраста, пришедшему к человеку его авторитета, такая фраза будет обнадеживающей, в некотором смысле. Понимание и преуменьшение были проблемой.

Я обнаружил, что задумался над тем, какой процесс был за этими словами. Выбирал ли он слова для своей аудитории из лучших вариантов для каждой ситуации или же говорил естественно?

– Звучит так, словно Вы пытаетесь подговорить его посещать церковь чаще, – сказал Сесил.

– Это часть моей работы, – сказал Майер, улыбнувшись ему. – Придётся меня простить.

Сесил широко улыбнулся в ответ.

Неловко. Сесил не подходит для этой работы. Мне следовало быть конкретнее.

– Мэри, – сказал Пастух, сделав шаг, – мы с твоим отцом много обсуждали, отправить ли тебя в Мотмонт. Я не считаю обсуждения личными, поскольку часто они были на публичных конференциях, больше как друзей, нежели совета. Когда он взял на себя работу составлений учёта для мэра, он стал слишком занятым. Думаю, я спрашивал насчёт тебя, но память меня подводит.

– Я ходила в Мотмонт, – сказала Мэри.

– Прошедшее время?

– Да, сэр, – сказала она.

Он махнул рукой. – Поверь мне, я наслушался «сэр» достаточно в этой жизни. «Отец» пойдёт, но и это мне не слишком приятно. Когда ты говорила в прошлом-

– Но разве титулы и символизм не важны для преподобного? – спросила она. – Ой, прошу прощения, Отец, я не хотела перебивать.

Было интересно посмотреть, как работает разум Мэри, когда её ставят на такое место. Это не было её целью или специальностью. Она не была актёром и по большей части её относительно короткого опыта, была возвращена ради одной роли, возможной для одной аудитории – её родителей.

Но Мэри не была ни глупой, ни тупой. Даже «сэр» было выбрано специально, дабы вернуть разговор обратно на Пастуха. Теперь она переставляет на него внимание.

Не такую тактику выбрал бы я, но это хорошая тактика. Практически атакует его, в некотором смысле, не позволяя вернуть удар.

– Символизм не важен для меня, не в таком плане, – сказал Пастух. Он казался очень спокойным, когда чайник начал свистеть. Налил кипятка в ожидавшие его чайные кружки и достал чайные пакетики. – Я верю в простые и фундаментальные истины. Я видел многих

людей в моей позиции, пытающихся дать страдающим совет красивыми словами и высокими концептами, с символами и ритуалами. Это чувствовалось пустым, и я сказал себе, что не буду поступать так с другими.

- И что же Вы тогда делаете? - спросил Сесил.

Святой чёрт, Сесил, может ты заткнёшься?

Не просто слова, но и его тон. Обвинительный.

Гордон прыгнул на спасение. - Ничего, если я откажусь от чая и угощений?

- Можно и я тоже? - спросила Лилиан. Немного слишком быстро. Гордон мог толкнуть или подать ей сигнал, если подумать.

- А, - сказал Сесил. - Да, думаю ничего.

Гордон поднялся со своего места и отступил, Лилиан сразу последовала за ним.

Я понял, что он делает, и начал формулировать путь, которым мог бы донести это до Лейси, когда она заговорила. - Чарльз. Ты должен присмотреть за ними и убедиться, что они не нарвутся на неприятности.

Я этого не заметил, что означало, что и Пастух не заметил тоже, но было очень вероятно, что Лейси подмигнула Сесилу, дабы донести мысль.

- Думаю, должен. Если простите, - сказал Сесил. - Извиняюсь, отец, но я бы хотел отложить чай и разговор на следующий раз.

- Конечно, - сказал преподобный. - Тогда, на три чашки чая меньше?

Он поставил чайник на свой стол, после чего убрал чашки из кабинета. - Люди напуганы. А вы в порядке? Не чувствуйте себя обязанными оставаться ради Мэри.

- Я вполне, - сказала Хелен. Она обаятельно ему улыбнулась. - Не отказываться же от чая.

- Ты просто хочешь угощений, которые подадут с чаем, - поддразнил я её.

Лицо Хелен изменилось, в одно мгновение штрихи возмущения, подавления, оцепенения, самообладания.

Моей целью было расширить поддельную личность Хелен, а частично в надежде, что я смогу его отвлечь, завести разговор дальше, чтобы обвинительный вопрос Сесила было проще забыть.

- Да, - призналась она. Затем, с небольшой паузой, как если бы она только вспомнила, - Пожалуйста.

Всё во имя преподобного.

- Фруктовый пирог? - спросил он.

Улыбка Хелен стала шире. - Пожалуйста.

Для человека, открыто заявляющего, что не заинтересован в ритуалах, чай несомненно им был. Подать чай группе тем более, спросить, что кому нужно, порезать пирог, переложить его на маленькие блюда с вилками и раздать.

И во всём этом не было никаких подсказок в том, как ему удалось так хорошо научиться управлять толпами.

– Что будет дальше? – спросил я, раньше, чем он успел нарезать пирог, и успел бы полностью сфокусироваться на разговоре. Взяв инициативу так же, как Мэри боролась за её поддержание всего минуты назад.

– Думаю, это полностью зависит от Академии, – сказал Пастух. Он повернул красивую чайную ложечку в своих руках. – Четыре эксперимента сбежали в один день. Остаётся гадать, как такое произошло, провалились ли какие меры осторожности. Волею Господа нам нужно лишь оставаться в безопасности, пока они прибирают беспорядки.

Нельзя прибрать эксперименты, которые сбежали только по слухам, – подумал я.

– Что, если это не прекратится? – спросил я, но на самом деле я спрашивал, что, если ты продолжишь поддерживать эти слухи? Вести людей к безумию?

– Тогда, полагаю, Мэри будет рассчитывать на то, что ты её защитишь, – сказал Пастух.

Я не часто оставался без слов. Пастуху это удалось. Моя челюсть повисла открытой.

– Я заметил, как вы двое держитесь за руки, за изгибом локтя вашего учителя, – сказал Пастух. Он закончил раскладывать пирог по тарелкам, после чего сел, размешивая чай маленькой ложкой с тонкой ручкой. – Ты задаёшь эти вопросы, потому что волнуешься за неё?

– Да, – наконец вытянул я из себя слова. Мой мозг работал молниеносно. Он заметил эту деталь. Что ещё он видел?

– Как тебя зовут? – спросил он.

– Сид, – ответил я.

– Ты вырастешь в хорошего человека, Сид. Мэри повезло, что у неё есть такой как ты.

Я не был уверен, как ответить на это, поэтому сфокусировался на чае. Блюда с пирогом было на моих коленях, и я держал чашку с чаем двумя руками, поднося её ко рту.

Он мог посчитать это смущением, но на самом деле я думал, свободный от следующих толчков и тычков Пастуха.

Не прошёл для меня незамеченным факт того, что я проигрываю эту словесную битву, а я не был уверен, что он вообще в неё играет.

– Мы рановато сошли с нашей темы, – сказал он. – Что заставило тебя покинуть Мотмонт, Мэри?

– Несчастный случай. Дети заболели и школу закрыли. Я поговорила с родителями, и они решили, что безопаснее будет где-нибудь ещё.

– С твоей очаровательной учительницей. Госпожа?

- Линдси, - сказала Лейси.

- Обучаете учеников в надежде, что они поступят в Академию? - спросил Пастух.

- Я- нет. Они свободны сами сделать выбор, но наша цель в другом. После инцидента в Мотмонте мы даже преуменьшаем это, для выгоды родителей.

Пастух кивнул, но его лицо было тревожным.

- Это неправильно? - спросила Лейси.

Пастух отпил из чашки и поставил её. Ответа не последовало.

- Отец?

Он вздохнул. - Когда я был маленьким, юнее этих ребяташек, мой отец был солдатом. Он служил в Американской Войне. Всем юным мужчинам говорили, насколько важна война. Им называли всевозможные причины. Патриотизм, принципы, вера. Их ценность как мужчин полностью зависела от их желания умереть за страну. Так другие оценивали их, так они оценивали себя.

- Мой отец был слишком юн, чтобы участвовать, но он помнит, какой она была, - сказала Лейси.

- С одной стороны, люди, стреляющие, умирающие, паникующие. С другой стороны, рядовые шитые солдаты. Крайне верные, каждый способен подняться, после того, как его подстрелили, требуют лишь быструю починку, прежде чем будут готовы увидеть поле вновь. В два-три раза сильнее любого солдата на стороне моего отца. У них были слабости, да, но и сильных сторон у них было больше.

Похоже, он понял, с кем говорит, и нахмурился. - Простите, я ушёл в мысли и задумался вслух. Я напугал детей?

Я покачал головой, Джейми, Хелен и Мэри присоединились. Джейми отважился, - Это интересно.

- Я подумал о своём отце, затем о себе, и посмотрев на юное поколение, услышав об их учебном прогрессе, я задумался.

- Мне хотелось бы услышать, - сказал я с жизнерадостным рвением, какое может быть только у ребёнка.

- Ммм. Не буду вдаваться в детали. Корона победила, как и в практически каждой войне. Америка проиграла. Я достиг того же возраста, что и мой отец, когда он оказался убеждён идти на войну, но мне не были даны на то причины вместе с винтовкой и курткой. Видите, вон там?

Пастух поднялся. Он обошёл стол, мимо моих с Мэри колен, чтобы подойти к рамке, удерживающей куртку.

В тот момент, пока он стоял спиной, Мэри потянулась вперёд. Ловкое движение её руки над чашкой чая и порошок переместился из полости её меньшего ногтя в чай. Она взялась за ручку ложки и помешала, не позволяя ей касаться граней кружки и цокать, после чего

отпустила её, под тем же углом.

Лейси посмотрела на Мэри, продолжительным и тяжёлым взглядом. Казалось, она явно пытается вернуть самообладание.

Хорошо, что преподобный не повернулся. Он забывчиво постучал по стеклу, – В отличие от куртки моего отца, на моей была корона на рукаве. Моя война была дольше и отвратительнее. Я надеюсь, что вы понимаете, почему я не вдаюсь в детали.

Заговорил Джейми, – Война вашего отца была проиграна грубой силой. Силе шшитых людей. Ваша война была выиграна...

– Мерзостью, – сказал Пастух. Он повернулся и пошёл обратно к своему месту. – Да. Исключительно подходящее слово.

– Я читал об этом в книгах, – сказал Джейми, прижимая к себе свою записную книжку. – Мне нравятся книги.

Пастух улыбнулся. – Мне тоже.

– Вы боитесь того, какую ужасную войну могут увидеть эти дети? – спросила Лейси.

– Нет, госпожа Линдси. Это не самый большой мой страх, – сказал Пастух. – Страх, но пока не самый большой.

– Боюсь, вы меня запутали, Отец.

Пастух усаживался на своём стуле, рот открылся ответить, когда я увидел реакцию. Момент колебаний, когда его глаза опустились к чашке.

– Да, – сказал он, вновь найдя слова. – Похоже, запутал. Прошу прощения. Мои мысли куда-то ушли. Думаю, нам придётся прерваться раньше времени, сейчас почти пришло время мне с Джилом обратиться к комнате.

– Ничего страшного, – сказала Мэри.

– Прости, что задержался на твоём обучении, Мэри. Я провожу время в тревоге за следующее поколение и после взаимодействия с твоим отцом в таком количестве, в каком взаимодействовал я, твоё лицо одно из тех, что проскакивают у меня на уме.

Мэри кивнула.

– Большое спасибо за пирог, Отец, – сказала Хелен.

– Вам здесь очень рады, – сказал он. – Вы, детишки, можете приходить в любой момент и говорить о чём угодно. И может вас даже будет ждать пирог.

– Спасибо! – сказала Хелен, улыбаясь.

– Если у вас будет разрешение от учителя, родителей или опекунов, – добавил он.

Лицо Хелен немного погрузнело.

– Благодарю за то, что повеселили меня, надеюсь, я не надоедаю, – сказал он. Мы потрясли

головами. – Если кто-нибудь спросит, я буду через минуту, не меньше.

– Отец, – тут же сказал я.

– Да?

– Вы сказали, что боитесь не того, что мы будем воевать в худшей войне, чем вы, но не сказали, чего действительно боитесь.

– Это сложно и глупо, – ответил он. – Смысла в этом не много, поверь мне. Пойми такое неправильно, и можно даже посчитать это оскорблением.

– Пожалуйста? – попросил я.

– Пожалуйста? – добавил Джейми.

Пастух выглядел удивительно уставшим, посмотрел на нас, начал собирать блюда, которые мы оставили. Похоже, он взвешивал свои варианты.

– Пожалуйста, – сказала Мэри. – Мы не такие глупые, как вы думаете.

– Больше всего меня тревожит, Мэри Кобёрн, – ответил он, – что у вас не будет возможности сражаться вообще.

Оставив нас с последней дозой иронии, он развернулся и собрал блюда.

За то время, пока он вернулся к своему стулу и посмотрел за тем, как мы уходим через дверь его уютного маленького кабинета, он не притронулся к своему чаю.

Взглянув через плечо, я увидел открытую дверь и быстро сложенные блюда с чашками, которые мы за собой оставили. Все стояли напротив его маленькой плиты и чайника, вероятно, чтобы помыть их потом.

Я увидел, как он несёт одну чашку к тому же углу, явно более тяжёлую, чем остальные. Он открыл засов окна, убрал что-то с верхушки его рамы, открыл окно и выплеснул содержимое.

– Лейси, – позвал я.

Она раздражённо посмотрела на меня. – Не зови меня как собачку.

– Найди Сесила, – сказал я. – Гордон и Лилиан тоже сойдут. Что бы они ни задумали, мы должны узнать.

– Скажешь пожалуйста? – спросила она.

– Это правда важно сделать быстро, – ответил я. Этого оказалось достаточно, чтобы послать её. В спину, я добавил, – Взять.

Она остановилась, решила, что это того не стоит, и продолжила идти вновь.

– Ты козёл, – прокомментировал Джейми.

– Он узнал, – сообщил я. – Пастух. Что-то ему указало.

- Я сделала всё правильно, - сказала Мэри на выдохе.

- Видимо нет, - сказал я. - Положительная сторона в том, что он винит Лейси, как мне кажется. Он энергично приглашал нас обратно, но не учителя.

Мэри выглядела раздражённой, видимо даже не слышала, что я говорю. - Чай даже не должен был двигаться, когда он вернулся к нему. Порошок не изменил цвет, я даже ложку положила обратно.

- Нет, - возразил Джейми.

- Нет? - спросила Мэри.

- Нет. Она была не такой же, когда ты её положила, - сказал Джейми. - Если вспомнить, ложка была повернута к стенке кружки. Ты отпустила её другой стороной.

- Это нелепо, - сказала Мэри. - Как можно узнать вообще, пока не вытащишь её из чая?

- То были хорошие ложки, может с меткой под ручкой, - сказал я. - Что-то, что ты сказала в начале, вызвало у него подозрение. Думаю, он посчитал, что ей промыли мозги или Академия её зацепила. Он неожиданно заинтересовался в твоём благосостоянии. Перейдя в защитное мышление, он перешёл и в оборонительное тоже. Стал немного осторожнее. Может быть инстинкт добычи. Наверно нет, но может быть.

- Почувствовал, что что-то не так из улик, которые даже сознательно не заметил, - сказала Хелен.

Я кивнул. - Я бы предположил, что он особенно осторожен с тех пор, как закончилась война. У него монетки или что-нибудь ещё над каждой дверью и окном, которое он не держит открытым. Камни лежат у основания двери, чтобы он знал, когда её открывали. Всё разложено до такой степени, что он знает, изменено ли было хоть что-то.

- Зачем? - спросила Мэри.

- Потому что он параноик и прав в этом, - сказал я.

- В войне, в которой он воевал, были паразиты, - заметил Джейми. - Худшие парализовали человека и оставляли его кричать, чтобы солдаты Короны могли собрать их превратить в сшитых. Или просто оставить кричать, и умереть от раскрытия. Не могу винить его за осторожность с чаем.

- Эти ещё не худшие, - прошептала Хелен. - Я видел таких, о которых люди не говорят без разрешения.

- Мило, - сказал я. - Но мы сходим с темы. Наша проблема Пастух.

- Он не многое сказал о запланированном, - отметил Джейми.

- Нет, - согласился я. - Но мы получили хороший шанс изучить его как человека, получили чувство того, в чём заключается его мотивация. Этот кусочек в конце.

- Ты подразумеваешь, что думаешь, будто он говорил правду, - сказала Мэри.

- Думаю, - подтвердил я и задумался на секунду. - Мы уверены, что этот парень не

эксперимент?

- Почему? - спросил Джейми.

- Потому что, угх. Он лучше в манипулировании группами людей, чем любой из нас. Я бы сказал, что я лучше него один на один, но он просто отбросил меня тем одним предложением.

- Это было забавно, - прокомментировал Джейми. Я пихнул его локтем.

- Он ещё и умный, - добавил я.

- Когда Иботт даёт мне уроки, - сказала Хелен, - иногда он предупреждает меня, чтобы я не недооценивала людей. Люди с каждым годом делают какие-нибудь потрясающие вещи. Гении появляются вновь и вновь, люди с выдающимися способностями от природы или талантами.

- Он просто выдающийся человек? - спросила Мэри. - Один из миллиона?

- Я уважаю его, - сказал я. - И немного напуган тем, что он может сделать, если мы это так оставим.

- Ты уважаешь его, но хочешь установить? - спросила Мэри.

- Я уважаю тебя, - сказал я. - И всё равно хочу, даже больше.

Это быстро обрубило этот аргумент. Похоже, даже немного ввело её в оцепенение, накренило.

Я изучаю маленькие лакомые кусочки насчёт Мэри, и один из них в том, что она не любит терпеть неудачи. В этом мы отличались. Она ценила исполнение, в то время как мне нравилось вытягивать реакции из людей, даже если косвенно, через некоторые уроки, какие я дал Джейми. Когда её исполнение не достаточно хорошее, она капризничает. Как и я, когда мне не удаётся сбивать с равновесия людей. Рик первый и главнейший из таких.

- Ты хорошо справилась, - сказал я ей, взяв её за руку. - Проблема в том, что он справился лучше. Мы недооценили его. Я думал, что он выставил всё так, что люди вокруг него идеально расставлены по шахматной доске, где удерживается каждая фигура, но он позаботился и о своём окружении тоже.

Лейси вернулась с Сесилом и Лилиан.

- Что делаем? - спросила Мэри.

Остальные подошли к нам. Гордон отсутствовал.

- Что я пропустил? - спросил Сесил.

Я его проигнорировал, спросил Лилиан, - Где Гордон?

- На крыше. Он сказал помахать и тогда сделает проход.

Я осмотрелся. Здание было всего два этажа в высоту, но оно было расширено, как и сказал Пастух.

На крыше, но всё равно увидит, если мы помашем?

Мои глаза упали на витражное стекло одного из окон.

Старый добрый Гордон. Он запомнил, что я сказал.

Взять шахматную доску и походить за оппонента.

- Он что-нибудь взял? - спросил я. - Просил чего-нибудь?

- Мыло и скальпель, - ответила Лилиан.

Я не представляю, что Гордон делает с мылом и скальпелем, но я был так взволнован перспективой узнать, что едва мог сидеть смирно. Я ухмыльнулся.

- Дадим Гордону насладиться вниманием, - сказал я. - Это хорошо сработается с тем, о чём я думаю.

- И о чём ты думаешь? - спросил Джейми.

- Сейчас? Лейси, подойди ближе к алтарю. Все остальные? Разойдитесь. Преподобный собирается утвердить свой контроль, удержать всё на месте. Но, как продемонстрировала Мэри, он не будет так хорош, если продолжит играть от защиты. Разнесите слух, что начался бунт где-то ещё.

- Это я могу, - сказал Сесил.

- Нет, - возразил я. - У тебя самая важная работа.

- Важная?

- Беги к ближайшему телефону так быстро, как можешь, - сказал я ему. - Донеси до Академии. Скажи, что где-то ещё происходит бунт.

- Это не так чисто и аккуратно, как хотел Хайле, - напомнил мне Джейми.

- Будет, - сказал я. - Поверь мне.

- Гордон тебе не поверит, - ответил Джейми.

- Думаю, здесь мы с ним в одном сапоге, - сказал я.

Все пошли к своим местам. Локациям и позициям.

Преподобный Майер поставил свою доску. Теперь мы ставим нашу.

Я дал Сесилу несколько минут, смотрел за всеми остальными.

Преподобный и Джил говорили, пока Джил шёл к сцене.

Я заметил, как Пастух обвёл взглядом толпу. Заметил меня.

Я ему помахал.

Прошло две секунды. Полагаю, Гордону нужно было разбежаться.

Он попал в здание, пробив витражное стекло за алтарём, упал через голову, пролетев

немалое расстояние. Приземление было жёстким, откололо край сцены.

Следы на его руках и теле, вырезанные скальпелем, похожие на следы когтей. Он был покрыт слизью. Мылом.

Лейси была рядом с ним. Помогла ему сесть.

Он вдохнул.

- Штуки нападают! - закричал он.

<http://tl.rulate.ru/book/6109/161460>